

А.В. Данич¹, Н.Б. Крыласова²¹ *Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
ул. Сибирская, 24, Пермь, 614990, Россия
E-mail: adanich@yandex.ru*² *Отдел истории, археологии и этнографии Пермского научного центра УрО РАН
ул. Ленина, 13а, Пермь, 614990, Россия
E-mail: n.krylasova@mail.ru*

НОВЫЙ ПОЯС «ВИЗАНТИЙСКОГО КРУГА» ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО БАЯНОВСКОГО МОГИЛЬНИКА В ПЕРМСКОМ КРАЕ*

В погребении X в. Баяновского могильника (Пермский край), принадлежащем представителю местной социальной элиты, обнаружен драгоценный пояс «византийского круга», датируемый серединой VIII в. Отдельные элементы подобных поясов встречаются достаточно часто на обширных территориях, в т.ч. на памятниках Пермского края, но полные поясные наборы единичны. Наиболее широкие аналогии рассматриваемый пояс находит среди аварских и хазарских древностей. Но он отличается уникальным оформлением, включающим сюжеты «царского» пира и любовных утех. Вызывает интерес и длительный период, прошедший с момента изготовления пояса до его помещения в погребение.

Ключевые слова: *пояс «византийского круга», авары, Хазарский каганат, Средневековье, ломоватовская культура, Пермский край, Баяновский могильник.*

Введение

Полевой сезон 2012 г. ознаменовался для Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета необычной находкой. В погр. 268 Баяновского могильника (Добрянский р-н Пермского края, в 1951, 1953 гг. раскапывался В.А. Обориным, с 2005 г. исследуется А.В. Даничем) был обнаружен богатый поясной набор явно не местного происхождения. Он относится к числу уникальных, т.к., во-первых, полные наборы поясов этого круга сравнительно редки, во-вторых, сюжет, использованный в его оформлении, встречен впервые, в-третьих, необычен сам контекст обнаружения данного артефакта.

*Работа выполнена в рамках проекта РГНФ «Проблема “прародины” угров-мадьяр и угорский компонент археологических средневековых культур Предуралья» (№ 13-11-59007).

Характеристика пояса

Основу пояса составлял относительно хорошо сохранившийся кожаный ремень шириной 3,2–4,3 см, толщиной до 3 мм, на котором крепились пряжка, наконечник и накладки трех типов (рис. 1, 2). Любопытно, что накладки расположены не на внешней стороне кожи, как это обычно бывает, а на внутренней. Перед помещением в могилу пояс аккуратно разрезали или разорвали по легкому надрезу на 14 частей, на которых наблюдаются незавершенные надрезы. Очевидно, имелось намерение вырезать все накладки, но по какой-то причине это не было доведено до конца. Фрагменты пояса были выложены в погребении по порядку на месте его ношения. Налицо намеренное «умерщвление» вещи. Такая традиция встречается достаточно широко. К примеру, у сибирских народов большинство предметов помещалось в могилу в поврежденном виде, наиболее распространенная трактовка этого обычая

Рис. 1. Пояс «византийского круга» из погр. 268 Баяновского могильника: порядок расположения деталей поясного набора.

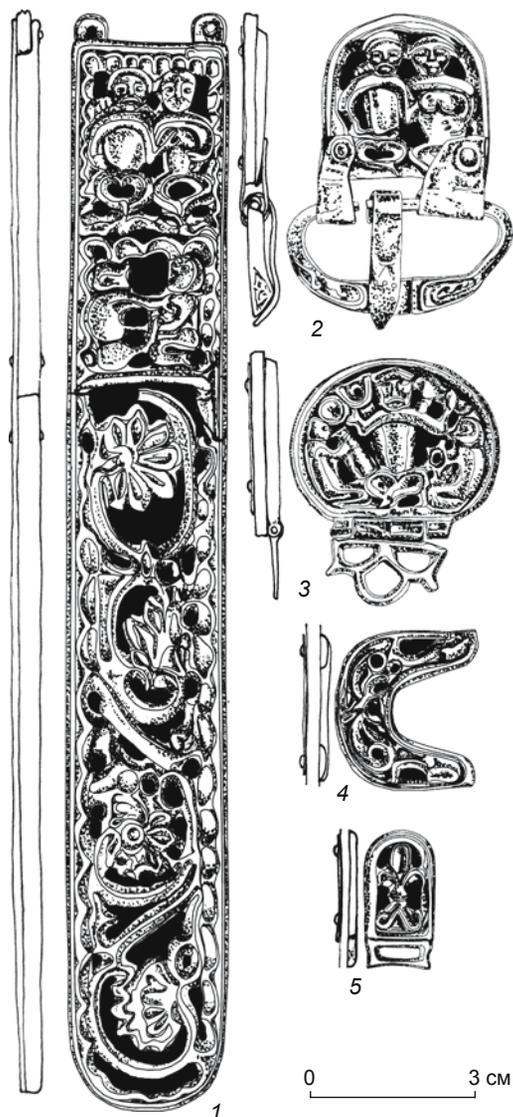

Рис. 2. Прорисовка деталей поясного набора.
1 – наконечник; 2 – пряжка; 3–5 – накладки.

связана с символикой вторичного рождения [Семенова, 2008, с. 108].

Все основные детали поясного набора отлиты из серебра. На основах крупных накладок с привесками, щитке пряжки и наконечнике сохранились следы позолоты. К ремню металлические детали крепились на серебряных шпеньках, бронзовые крепежные пластины на оборотной стороне пояса, вырезанные по форме накладок, обеспечивали надежность их фиксации. В процессе ремонта на некоторых накладках, утративших шпеньки, были пробиты отверстия, сквозь которые пропущены штифты из серебра.

С помощью рентгенофлуоресцентного анализа был определен состав металла элементов набора. Основы овальных накладок, щиток пряжки и лицевая пластина наконечника отлиты из серебра (62–78 %) с добавлением меди (5,8–16,0 %) и незначительными примесями свинца (до 0,83 %), цинка (до 0,3 %), мышьяка (до 0,12 %). В составе сплава наконечника также довольно высок процент вольфрама (9,31 %). Кроме того, в нем и металле щитка пряжки присутствует рений (1,06–6,22 %). Поскольку эти детали поясного набора были покрыты позолотой, пробы показали значительное содержание золота (11,5–20,2 %). Привески двусоставных накладок, подковообразные, полуовальные накладки и рамка пряжки изготовлены из серебра (84,3–91,7 %) с добавлением меди (6,5–13,2 %), примесями свинца (до 1,16 %), цинка (до 0,42 %), мышьяка (до 0,2 %) и золота (до 0,7 %). Сплав крепежных пластин на основе меди (73 %) содержит свинец (12,6 %), цинк (4,78 %), хром (4,41 %) и олово (3,43 %). А язычок пряжки и пластина, использованная для ее ремонта, изготовлены почти из чистой меди (93,7 %) с небольшими примесями свинца (3,44 %), мышьяка (1,87 %), цинка (0,64 %) и железа (0,3 %).

Пояс был подвергнут реставрации (художник-реставратор Свердловского областного краеведческого музея И.С. Гребенюк), в процессе которой и после

удалось выявить некоторые важные детали, связанные с конструкцией элементов поясного набора и особенностями орнаментальных сюжетов.

Пряжка (рис. 2, 2; 3) имеет овальную пластинчатую рамку размерами 4,5×2,2 см, слегка расширенную в передней части, с литыми ушками с тыльной стороны для шарнирного соединения со щитком. В месте размещения язычка на рамке прямоугольное углубление, по бокам которого расположен растительный орнамент из завитков. Щиток полуовальный, размерами 3×3 см. Язычок согнут из прямоугольной медной пластины шириной 0,5, длиной 2,7 см, приостренной на конце, на изгибе у оконечности украшен точечным орнаментом. Очевидно, этим язычком пряжка была снабжена в процессе ремонта, произведенного по причине поломки шарнира. При починке на оборотной стороне ремня под щитком поместили прямоугольную медную пластину с вырезанными спереди неровными полосами, которые были отогнуты на лицевую сторону пряжки, заменив сломанный шарнир, и закреплены штифтами, продетыми через отверстия, пробитые по углам щитка. На прорезном щитке изображены анфас два обнаженных человека (мужчина слева от зрителя и женщина справа) в позе лотоса (рис. 3, Б). У фигур выделены признаки пола. Женщина обнимает мужчину, положив ему правую руку на плечо, левой упирается в бок. Правая рука мужчины также уперта в бок, а левая покоится на женской груди. Черты лица у обеих фигур имеют монголоидные признаки – широкий нос, выступающие скулы. У мужчины длинные усы, спускающиеся к подбородку. На нем прослеживаются элементы костюма – головной убор в виде круглой шапочки и пояс. По краю щитка выпуклый гладкий бордюр.

Наконечник (см. рис. 2, 1; 4) состоит из трех частей: ажурной серебряной лицевой пластины 20×3 см, края которой отогнуты книзу, образуя «коробочку» высотой 4 мм; тонкой медной пластины, помещенной в эту «коробочку», и также медной основы. Со стороны ремня край наконечника прямой, с парой полукруглых петель для штифтов по углам. Штифты закрепляют конец ремня, который заходит внутрь наконечника на 1 см, и соединяют лицевую пластину с медной основой, припаянной по краю к ее бортику. Лицевая пластина была в древности сломана. Ремонт заключался в прикреплении ее частей к новой основе с помощью штифтов, продетых через пробитые по краям фрагментов отверстия. По контуру лицевой пластины наконечника располагается фестончатый бордюр, обрамляющий три орнаментальные зоны, разделенные фестончатой и гладкой горизонтальными полосами. В верхнем ярусе помещено такое же изображение, как на щитке пряжки. В следующем изображены мужчина и женщина в профиль, сидящие на коленях напротив друг друга и предающиеся любовным играм (рис. 4, Б). В нижнем ярусе, занимающем более половины длины наконечника, раститель-

Рис. 3. Пряжка.
А – общий вид; Б – изображение на щитке.

Рис. 4. Наконечник ремня.
А – общий вид; Б – изображение в верхних ярусах.

ный орнамент – виноградная лоза с крупными листьями. Медная пластина под лицевой служила фоном для ажурного декора, создавая полихромный эффект.

Овальные накладки размерами 3×4 см (6 экз.) имеют снизу привески в виде ажурного трилистника, прикрепленные на шарнирах (см. рис. 2, 3; 5, 1). Гладкий

выпуклый бордюр по контуру обрамляет композицию из трех человеческих фигур. В центре все то же изображение обнаженного мужчины анфас, сидящего в позе лотоса, с признаком пола, усами, с шапочкой на голове (рис. 5, 1, б). Руки согнуты в локтях и подняты вверх. У правого плеча расположены солярные символы – солнце и полумесяц. На левом плече – нечеткое изображение, возможно, сидящей птицы или топорика, который держит в руке мужчина. Два других персонажа сюжета показаны в профиль, сидящими на коленях напротив друг друга по обеим сторонам от центральной фигуры (слуги, рабы?). Один (слева от зрителя) держит в руках большой кувшин, другой (справа) – непонятный предмет в виде кольца с «лучами» (царская диадема?).

Подковообразные накладки размерами 3,0×2,5 см (5 экз.) украшены растительным орнаментом в виде пальметты с раскинутыми в стороны листьями-завитками. Он обрамлен гладким выпуклым бордюром (см. рис. 2, 4; 5, 2). Накладки вытянутой полуовальной формы имеют размеры 2,5×1,3 см (6 экз.). Орнамент стилистически напоминает «перевязанную пальметту», но изображен трилистник. Он также обрамлен гладким выпуклым бордюром. Внизу прямоугольная петля (см. рис. 2, 5; 5, 3).

Расположение накладок на фрагментах ремня и их последовательность в погребении позволяют ре-

конструировать порядок элементов в пояском наборе (см. рис. 1). Часть ремня покрывали накладки подковообразной формы, расположенные друг за другом на расстоянии ок. 1,5 см. Как объяснила в личной беседе О. Пелевина, обычно они помещались на поясе таким образом, что язычок пряжки «заходил» в выемку крайней «подковки». На остальной части пояса чередовались пары крупных овальных накладок с привесками, расположенных на расстоянии примерно 1 см друг от друга, и маленьких полуовальных, между которыми было 0,3–0,5 см. На поясе также сохранились остатки серебряной петли в виде пластины шириной 2 см, согнутой в форме овала. Она была прикреплена к ремню четырьмя медными штифтами. Назначение петли не совсем ясно, возможно, она служила для подвешивания к поясу ножен. Не вполне понятно, где располагался наконечник. Конец ремня, находившийся застегнутым на пряжке, неровно отрезан. По ширине эта часть ремня совпадает с фрагментом на наконечнике, но их края не стыкуются. Предположительно какой-то кусок ремня был вырезан и не сохранился. В погребении наконечник лежал отдельно вдоль левого бедра погребенного.

Аналоги и датировка пояса

В целом пояс находит довольно широкие аналогии среди поясов «византийского круга», распространенных в позднеаварских и раннесалтовских комплексах, а также на обширных территориях, которые, как отмечает А.В. Комар, были заняты Хазарским каганатом или находились в сфере его влияния [Комар, 2001, с. 103; Комар, Стрельник, 2011, с. 160]. К таким территориям принадлежит и Прикамье, где найдено немало отдельных крупных пряжек, накладок и наконечников с орнаментом в виде пальметты и завитков виноградной лозы. Они представлены в комплексах второй половины VII – первой половины VIII в. [Генинг, 1979, с. 102], к примеру, на Агафоновском, Деменковском, Висимском могильниках ломоватовской культуры [Голдина, 1985, табл. XIII, 39–42], Неволинском, Верх-Саинском, Бродовском, Горбунятском, Усть-Иргинском могильниках неволинской культуры [Голдина, Водолаго, 1990, табл. XXVI, 19, 29–32; XXX, 15, 29, 30; XXXI, 15, 16; XXXIV, 23–41; XXXV, 18–22].

Исключая изображения человеческих фигур, мы можем найти аналогии отдельным элементам декоративного оформления баяновского пояса. Так, повторяющийся на подковообразных и маленьких полуовальных накладках мотив «перевязанной пальметты» характерен для поясов типа «Михельдорф – Скалистое», датированных концом VII – первой половиной VIII в. Б. Тотев и О. Пелевина, проанализировав места обнаружения их элементов, пришли к выводу, что такие пояса были распространены преимущественно

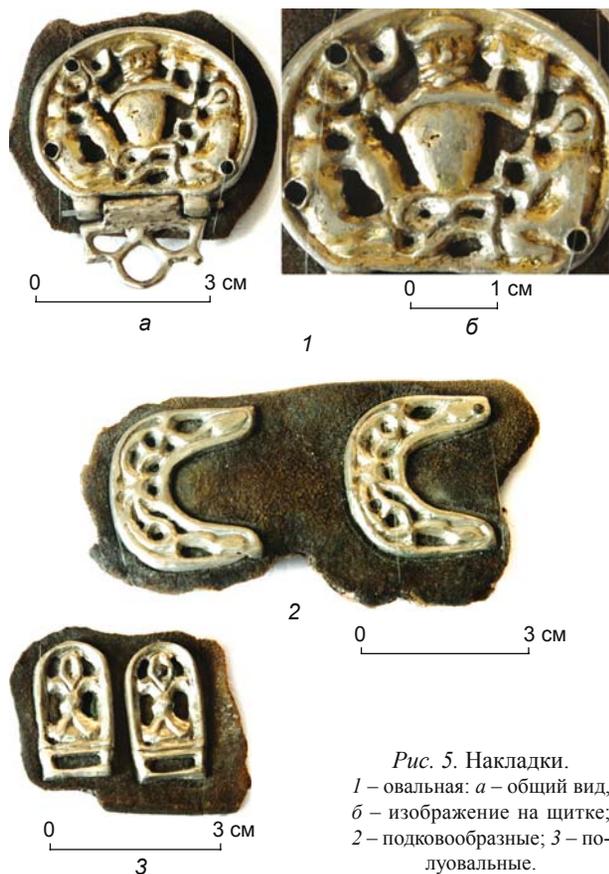

Рис. 5. Накладки.
1 – овальная: а – общий вид, б – изображение на щитке;
2 – подковообразные; 3 – полуовальные.

в приграничных районах европейской степи – в Прикамье, Приуралье, Среднем Поволжье, на территории Тамбовской области, Северном Кавказе, в Крыму, Северо-Восточной Болгарии, на среднем Дунае. По их мнению, данное обстоятельство трудно объяснить только культурными влияниями, скорее всего, это связано с населением – непосредственным носителем моды. Исследователи выдвигают гипотезу о том, что появление в указанных районах в конце VII – начале VIII в. поясов с «перевязанной пальметтой» – результат расселения различных групп из Великой Болгарии под натиском хазарского нашествия [Тотев, Пелевина, 2005, с. 89]. Декор наконечника в виде извивающегося побега с листьями может быть соотнесен с поясными наборами типа «Врап – Ерсек», элементы которых встречаются на тех же территориях, а иногда и в тех же комплексах, что и детали поясов типа «Михельдорф – Скалистое» [Там же, с. 90]. В Прикамье наконечник с похожим орнаментом встречен в погр. 107 Агафоновского могильника [Голдина, 1985, табл. XIII, 40]. Преимущественно для поясных наборов типа «Врап – Ерсек» характерен и фестончатый бордюры, как на баяновском наконечнике ремня [Тотев, Пелевина, 2005, с. 86, рис. 2, 3, 7–9; 7, 2, 3; 9, 6, 8]. Аналоги фигурных привесок на двусоставных накладках найдены в Фотовижском кладе [Комар, Стрельник, 2011, рис. 3, 1–8], в погр. 134 Нетайловки [Крыганов, 2001, рис. 3, 5], погр. 960 Танкеевки [Казаков, 1992, рис. 60, 120], погр. 22, 24 Поломского I [Иванов, 1998, рис. 49, 5, 6, 8], погр. 7 Важгоргского могильника [Белафин, 2000, рис. 90, 8]. Но наибольшее количество аналогий обнаруживается в позднеаварских материалах [Комар, Стрельник, 2011, с. 149]. Сразу несколько схожих элементов декора прослеживается в поясном наборе из могильника VIII в. у д. Тисаварконь [Сокровища аваров, 1985, с. 11]: орнамент позднеаварского наконечника наиболее близок баяновскому, есть сходство и в декоре подковообразных накладок, аналогичны фигурные привески двусоставных бляшек.

Таким образом, пояс был изготовлен, очевидно, не позднее середины VIII в. и именно тогда же попал в Прикамье, где для данного периода элементы подобных поясных наборов – нередкие находки. Но захоронение, из которого он происходит, совершено в значительно более позднее время.

Описание погребения, в котором обнаружен пояс

Могила 268 имела овальную в плане форму, размеры 2,71×0,72 м, глубину 0,82 м от поверхности, ровное дно, вертикальные стенки. Погребение ориентировано по линии СВ–ЮЗ. Поверх всех вещей зафиксированы фрагменты деревянного настила толщиной до

0,5 см, под ними – остатки меха. На дне могильной ямы также прослеживался деревянный настил с остатками кожи на внутренней поверхности.

В погребении сохранились отдельные фрагменты костяка, расположенные в соответствии с анатомическим порядком. В северо-восточной части могильной ямы выявлены остатки черепа, лопатки и ключицы. Рядом обнаружены серебряная погребальная маска, под которой законсервировался большой фрагмент шелка, пара височных украшений из серебра, к юго-западу от маски – железный топорик. В центре могильной ямы расчищены фрагменты таза и крестца, поверх них лежали куски разрезанного пояса. На нем зафиксированы остатки шелка, а на изнаночной стороне – меха. К юго-западу от таза находился обломок левой бедренной кости, левее которой обнаружены нож, расположенный вдоль условной оси погребения, кресало и кресальные кремни. Немного ниже ножа в одну линию с ним лежал наконечник ремня. Правее тазовых костей обнаружен наконечник копья, уложенный острием к голове (копье, вероятно, не входило в могильную яму и было сломано пополам). Вдоль него располагались кости предплечья и фаланга правой руки, возле которой найден серебряный перстень, второй такой же обнаружен левее бедренной кости. В юго-западной части могильной ямы выявлены кости стопы, сохранившиеся под медным котлом. Внутри него находились остатки двух деревянных сосудов и фрагмент керамического. Под котлом слева располагались железные удила, а справа от него – железная подпружная пряжка.

Останки принадлежат индивиду в возрасте старше 30 лет (определение антрополога Н.Г. Брюховой). Установить пол по сохранившимся костям невозможно, но состав погребального инвентаря не оставляет сомнения в том, что это захоронение мужчины, безусловно являвшегося представителем местной воинской элиты. О последнем свидетельствует наличие разнообразных «статусных» вещей: драгоценного убора костюма, предметов вооружения и снаряжения коня, медного котла, погребального лицевого покрытия. Погребенный был богато одет. Судя по расположению фрагментов костюма, на нем была шуба из меха европейского бобра (определение таксидермиста Свердловского областного краеведческого музея А.В. Калужникова), подпоясанный ремнем, поверх нее одежда (халат?) из шелка и плащ из толстой ткани саржевого переплетения, остатки которой сохранились в окисле железа на топорике и наконечнике копья.

Характеристика погребального инвентаря и датировка комплекса

Узко датированных предметов в составе комплекса нет. Височное украшение с гроздьевидной привеской

(рис. 6, 2) принадлежит к самому позднему варианту – с полой бипирамидальной привеской, прикрепленной к полуму шарик, нанизанному на кольцо-дужку. По наблюдениям Ю.А. Подосёновой, такая конструкция характерна для второй половины IX – начала X в. В целом височные украшения с гроздьевидной привеской бытовали до начала XI в. [Подосёнова, 2009, с. 66]. Второе кольцо (рис. 6, 3) проволочное, грушевидной формы, характерной преимущественно для территории Пермского Предуралья, где такие украшения использовались с начала X до XII в. [Там же, с. 80].

Перстни (рис. 6, 4, 5), на месте щитка которых помещалось тисненное серебряное полушарие, украшенное треугольниками зерни, поясками скани и вставкой из стекла или сердолика, довольно часто встречаются на памятниках Пермского Предуралья X–XI в. [Белавин, Крыласова, 2012, с. 127–128]. Полушарие припаивалось на медную основу и крепилось к цельной или разъемной дужке из серебра либо меди.

Рис. 6. Инвентарь погр. 268.
1 – маска; 2, 3 – височные украшения; 4, 5 – перстни.

Серебряная погребальная маска (рис. 6, 1) овальной формы с отверстиями, имитирующими глаза и рот, выпуклым носом с прорезными ноздрями, украшенная по внешнему краю пластины и вокруг отверстий рядом полугорошин, с позолотой над «глазами» и вокруг «рта» принадлежит к наиболее позднему типу специализированных погребальных лицевых покрытий – цельных масок-личин, распространенных с конца IX до начала XI в. [Белавин, Крыласова, 2008, с. 48]. На Баяновском могильнике найдено наибольшее их количество. Подобные маски известны на Рождественском, Огурдинском, Редикарском и Плесинском могильниках Пермского Предуралья, за пределами которого довольно широко представлены на раннебулгарском Танкеевском могильнике [Казаков, 2007, с. 23], маска-личина сопровождала одиночное угорское захоронение X в. в с. Манвеловка Днепропетровской обл. [Чурилова, 1986].

Котел (рис. 7, 1), по классификации К.А. Руденко, принадлежит к типу М-1 – с венчиком, образованным наложенной снаружи медной полосой, которая закреплена загнутым верхним краем стенки и заклепками. Сосуды этого типа датируются рубежом IX–X – началом XI в. [Руденко, 2000, с. 28, рис. 2]. Высота котла 14 см, диаметр 26 см, толщина стенки 0,5 мм. Швы тщательно прокованы и не прослеживаются. Наложённая медная полоса шириной 3,5 см, толщиной 1 мм закреплена отогнутым наружу краем (3–5 мм) стенки котла и бронзовой заклепкой. Ушки не сохранились, на их месте остались только следы и пара заклепок. На могильниках Пермского Предуралья захоронения с котлами обычно содержат богатый набор инвентаря, включающий «статусные» вещи, вероятно, они принадлежали представителям родоплеменной аристократии. Котел из погр. 268 является ярким примером особого внимания к этим весьма ценным предметам. В процессе эксплуатации сосуд треснул у дна и был отремонтирован наложением четырех медных заплат, прикрепленных с помощью небольших заклепок, а снаружи оплетен крест-накрест берестяными полосами шириной 22–25 мм. В котле находился какой-то продукт жидкой консистенции, от окисления которого осталась небольшая медная корка внутри и следы на стенках, расположенные на высоте 60–85 мм от дна (котел стоял под небольшим наклоном).

В котле сохранились фрагменты двух деревянных сосудов: чаши диаметром по венчику 5 см, по тулову – 6, высотой 3,7 см, с отогнутым наружу венчиком высотой 0,9 см (рис. 7, 2) и кружечки диаметром 8 см, с немного отогнутым наружу венчиком, на 0,8 см ниже которого сохранилась часть ручки размерами 1,8×4,2 см, толщиной 0,2–0,4 см (рис. 7, 3). Деревянные сосуды в погребениях Пермского Предуралья находят крайне редко. Но, судя по многочисленным металлическим обкладкам венчиков в комплексах X – первой половины XI в., существовал обычай сопровождать погребенных

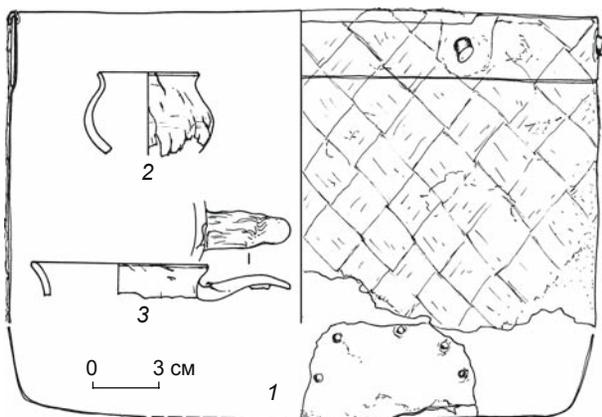

Рис. 7. Медный котел (1) и фрагменты деревянных сосудов (2, 3) из погр. 268.

деревянными сосудами наряду с керамическими. Обломок керамики, также находившийся в котле, представляет собой фрагмент неорнаментированной стенки.

Железный топорик-чекан (рис. 8, 10) имеет обушок в форме молоточка круглого поперечного сечения с грибовидным окончанием. По типологии А.Н. Кирпичникова, он принадлежит к типу 1, который датируется X–XI вв. [1966, рис. 6, с. 33–35]. В Пермском Предуралье такие топоры известны на могильниках Баяновском, Запоселье и Пыштайн, на Вакинском селище.

Железный наконечник копья (рис. 8, 1) имеет перо ромбовидного сечения и воронковидную втулку, которая короче пера. Это пика – самый распространенный тип наконечников копий VIII–XII вв. в Пермском Предуралье, представленный на могильниках Плёсинском, Баяновском, Редикарском, Телячий Брод, Большевисимском и на Мальцевском селище [Данич, 2010, с. 24].

Нож (рис. 8, 3) относится к обычным универсальным. Сохранились остатки деревянной рукояти.

Найденные в компактном скоплении элементы огнива (очевидно, они находились в мешочке или пояском кошельке) включали стальное кресало и четыре кресальных кремня (рис. 8, 4–8). Кресало (рис. 8, 4) представляет собой прямоугольный брусок с небольшим отростком на одном конце, загнутым в виде петли. Л.А. Голубева относит пластинчатые кресала этого типа к периоду с VIII по XI–XII вв. [1965, рис. 1, 5]. В Пермском Предуралье они встречены на Родановом, Рождественском городищах [Белавин, Крыласова, 2008, рис. 174, 7], селище Телячий Брод. Даты этих памятников и аналогии в материалах Приладожья и Прионежья позволяют датировать такие кресала в пределах X – начала XII в. [Крыласова, 2007, рис. 84].

Удила (рис. 8, 2) состоят из пары подвижных звеньев грызла и двух поводных колец, которые служили одновременно в качестве псалиев. Стержни грызла квадратного сечения, кольца большие, плоские. Такие удила были распространены по всей Вос-

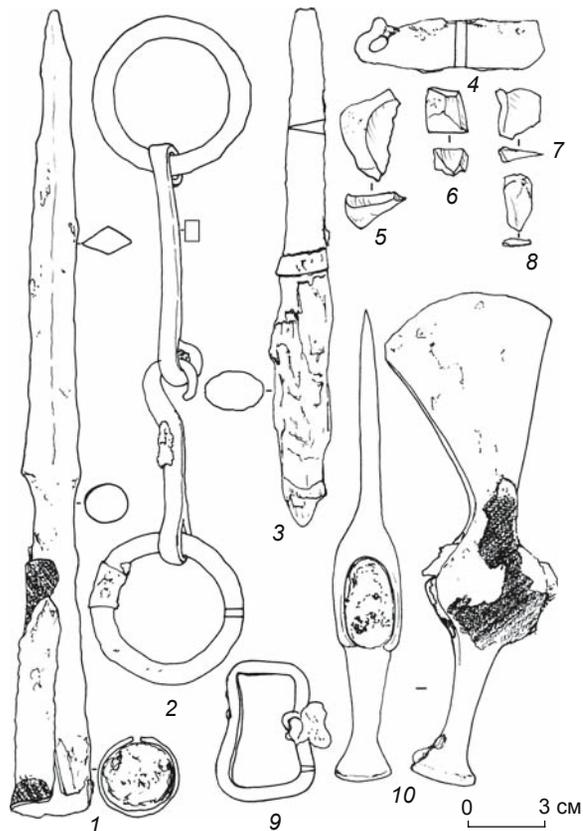

Рис. 8. Инвентарь погр. 268.

1 – наконечник копья с отпечатками ткани; 2 – удила; 3 – нож с деревянной рукоятью; 4 – кресало; 5–8 – кресальные кремни; 9 – пряжка; 10 – топорик с отпечатками ткани.
1–4, 9, 10 – железо; 5–8 – кремень.

точной Европе в домонгольское время. В Среднем Поволжье и Приуралье они появились в I тыс. н.э., а с рубежа I–II тыс. н.э. стали преобладающими. Лировидная подпружная пряжка (рис. 8, 9) принадлежит к типу, датируемому X–XII вв. [Культура Биляра, 1985, с. 202].

Корреляция дат рассмотренных находок позволяет отнести погр. 268 к началу X – началу XI в. Этому не противоречат и даты 11 монет, обнаруженных в пяти захоронениях, которые расположены в непосредственной близости от описываемого, – они отчеканены в период с 902/903 до 922 г. н.э. До попадания в погребение монеты могли использоваться длительное время.

Заключение

Таким образом, возраст пояса на момент попадания в погребение составлял от 150 до 250 лет. Возникает вопрос, какова причина столь продолжительного периода его существования. С одной стороны, история знает множество фактов длительного сохранения семейных реликвий. Можно допустить, что при условии береж-

ного обращения, надевания пояса только по особо значимым случаям, он мог сохраниться на протяжении этого времени. Многочисленные следы ремонта, полустертая позолота, деформация отдельных деталей свидетельствуют о его длительной эксплуатации. С другой стороны, насколько бы фантастичным это не казалось, пояс вполне мог быть обнаружен в более древнем захоронении и вновь использоваться после проведения ремонта. О том, что подобная практика существовала, свидетельствует факт обнаружения халцедонового диска в погребении того же времени на Деменковском могильнике (раскопки А.Ф. Мельничука), а позднее – и на Баяновском (раскопки А.В. Данича). В Прикамье такие диски наиболее широко представлены на азелинских и мазунинских погребальных памятниках IV–V вв. н.э. По мнению И.Ю. Пастушенко, поступление в регион халцедона происходило в узкий отрезок времени или вообще было единовременным [Пастушенко, Бернц, 2008, с. 16–17]. Появление таких дисков в погребениях X в. можно объяснить только извлечением их из более древних захоронений. О том, что ремонт пояса производился в X в., свидетельствует форма язычка пряжки. Обычно пряжки подобного типа снабжались массивными литыми язычками (вариант 7 по В.Б. Ковалевской) [Ковалевская, 1979, с. 11, 21–22]. Приспособленный при ремонте язычок, изготовленный из медной пластины, типичен для пряжек X в.

Как известно, в Византии производство наградных воинских поясов было строго регламентировано, для собственных нужд изготавливались золотые, а для «варваров» – серебряные. Присутствие серебряных поясных наборов в захоронениях Баяновского могильника указывает на длительное сохранение древних военных традиций в средневековом обществе Пермского Предуралья.

Список литературы

Белавин А.М. Камский торговый путь: Средневековое Предуралье в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2000. – 200 с.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Погребальные лицевые покрытия как угорский маркер // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития: мат-лы Всерос. науч. конф., посвящ. 20-летию ИИиА УрО РАН. – Екатеринбург, 2008. – С. 47–51.

Белавин А.М., Крыласова Н.Б. Огурдинский могильник. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2012. – 259 с.

Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тыс. н.э. (по материалам могильников Прикамья) // КСИА. – 1979. – № 158. – С. 56–106.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1985. – 280 с.

Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1990. – 176 с.: ил.

Голубева Л.А. К истории пластинчатых огней Восточной Европы // Новое в советской археологии: Памяти Сергея Владимировича Киселёва. К 60-летию со дня рождения. – М., Наука, 1965. – С. 257–260. – (МИА; № 130).

Данич А.В. Наконечники копий на территории Пермского Приуралья // Вестн. Музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. – 2010. – Вып. III. – С. 20–43.

Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. – Ижевск: Удмуртский УрО РАН, 1998. – 308 с.

Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Булгарии (этапы этнокультурной истории). – М.: Наука, 1992. – 335 с.

Казаков Е.П. Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. – Казань: Ин-т истории Акад. наук Респ. Татарстан, 2007. – 208 с.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. – М.; Л.: Наука, 1966. – Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX–XIII вв. – 214 с. – (САИ; вып. Е1–36).

Ковалевская В.Б. Поясные наборы Евразии (IV–IX вв.): Пряжки. – М.: Наука, 1979. – 113 с. – (САИ; вып. Е1–2).

Комар А.В. Происхождение поясных наборов раннесалтовского типа // Культуры евразийских степей второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). – Самара: Самар. обл. ист.-краевед. музей, 2001. – Т. 2. – С. 103–117.

Комар А.В., Стрельник М.А. «Репрессированный» клад: комплекс ювелирных изделий VIII в. из находки у с. Фотовиж // Stratum plus. – 2011. – № 5. – С. 143–164.

Крыганов А.В. Верхнесалтовский и Нетайловский археологические памятники салтовской культуры – остатки древнего хазарского города // Степи Европы в эпоху средневековья. – Донецк: Дон. нац. ун-т, 2001. – Т. 2: Хазарское время. – С. 347–358.

Крыласова Н.Б. Археология повседневности: материальная культура средневекового Предуралья. – Пермь: Перм. гос. пед. ун-т, 2007. – 352 с.

Культура Биляра: Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. – М.: Наука, 1985. – 216 с.

Пастушенко И.Ю., Бернц В. Халцедоновые диски в культуре населения Прикамья // Finno-Ugrica. – 2008. – № 11. – С. 12–23.

Подосёнова Ю.А. Височные украшения населения Пермского Предуралья в эпоху средневековья: дис. ... канд. ист. наук / Перм. гос. пед. ун-т. – Пермь, 2009. – 170 с.

Руденко К.А. Металлическая посуда Поволжья и Прикамья в VIII–XIV вв. – Казань: Гос. объедин. музей Респ. Татарстан, 2000. – 156 с.

Семенова В.И. Мифология мира мертвых (по мифологическим и археологическим источникам Западной Сибири). – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2008. – 213 с.

Сокровища аваров: каталог выставки. – М.: [Тип. М-ва культуры СССР], 1985. – 32 с.: ил.

Тотев Б., Пелевина О. Новые данные о раннесредневековых поясах дунайских болгар // Античная древность и средние века. – 2005. – Вып. 36. – С. 85–103.

Чурилова Л.Н. Погребение с серебряной маской у с. Манвеловки на Днепропетровщине // СА. – 1986. – № 4. – С. 261–266.

Материал поступил в редколлегию 10.01.14 г., в окончательном варианте – 20.03.14 г.